

НАРКОМПРОС А.С.С.Р.

ИЗВЕСТИЯ

АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО

АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМИТЕТА.

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

БАКУ—1925

Девичья башня и ее легенда.

I.

Древняя бакинская башня, еще теперь высоко поднимающаяся над окружающими ее строениями, зовется жителями „девичьей“, причем это название обычно толкуется в связи с преданием, о котором речь будет ниже. Правильно ли это? Потому ли башня „девичья“, что в сказании играет роль девушка? Повидимому—нет.

Название „кыз-кала“, „кыз-каласи“ встречается часто в районе распространения тюркских языков: на пятиверстной карте Кавказа помечено 6 Кыз-кала и 7 Кыз-каласи, не считая бакинской и др., не попавших на карту. (Д. Пагирев—Указатель, с. 132—133). Вне Закавказья, мы встречаем эти названия от Армении до Босфора, в Крыму и, кажется, на Балканском полуострове. Почти всегда они приурочены к твердыням, сильно укрепленным или природой или искусственно. О многих сохранились легенды, но не всегда рассказывается о девине; чаще говорится о силе и недоступности: нередко осаждают такую кыз-калу сам Искендер Зуль-карнейн и либо совсем не может взять (Шемаха), либо берет хитростью, как было, повидимому, в первоначальной редакции о Баку, редакции, связанной впоследствии с легендарным затопленным городом Сабанлем. Основа сказаний о неприступности и дает ключ к пониманию названия: „кыз-кала“ не „девичья башня“, а „башня-дева“, „башня девственница“, еще никем не взятая. Вот смысл этого наименования и объяснение того, что оно превратилось чуть не в нарицательное. Его могли давать еще при постройке, авансом, и оно звучало вызовом врагу, или же оно создавалось впоследствии, как отражение действительного факта, что иная крепость веками никому не сдавалась.

В то время, когда башни и стены служили главной защитой жизни, семьи и достояния, всем был ясен и понятен смысл слова, но прошли столетия и уменьшилось, а то и вовсе сошло на нет военное значение даже таких сооружений, как бакинская башня с ее двухскаженными стенами. Старый термин, многое говоривший дедам, стал непонятен внукам, начавшим его осмысливать по своему. Вот тогда то и могло возникнуть стремление ввести в старинные легенды историю какой-нибудь девы, чтобы истолковать название, пережившее самого себя. При соединении обоих элементов происхождения, соз-

давалась повесть о том, что строитель, чтобы сделать свое творение неприступным, замуровывал в фундамент девушку или ее кровь смешивал с известью. Таково значение термина „кыз-каласи“ вообще.

II.

Какой-то шах решил жениться на собственной дочери; та, не желая подчиниться, поставила условием постройку для нее башни и когда последняя была окончена, то, по одному варианту (И. Березин—Путеш. I, 225), заперлась в ней, по другому (С. Г. Гмелин—Путеш. III, 80), бросилась с вершины в море. Простота конструкции, отсутствие подробностей и мусульманских наслоений, позволяет отнести эту легенду о бакинской башне к глубокой древности. Занесена ли она извне или зародилась на месте—вопрос не решенный; но любопытно, что было время, когда здесь существовали условия, благоприятные для ее появления. Основная тема—стремление шаха заключить брак в пределах собственной семьи. По Юсти (F. Justi—Gesch. Irans. etc. в Gr. d. iran. Philol. II, 434—437), родственный брак происхождения не иранского и не арийского, но воспринятый иранцами очень давно, укрепился у них, получив в позднейшем зороастризме значение священного обычая. Так, ахемениды Камбиз, Дарий II, Артаксеркс II, Аршак и Дарий III женаты были на сестрах, а по Плутарху, Артаксеркс II еще и на своей дочери Атоссе. Так же поступали селевкиды: в их родословной, данной у Бабелона (E. Babelon—Les rois de Syrie etc.), указаны браки: Антиоха I—на мачехе, Антиоха II—на сестре, Антиоха сына Антиоха III—тоже на сестре, вышедшей, после его смерти, за другого брата—Селевка IV, имевшего раньше конкубиной другую свою сестру; Дмитрия I—на сестре, Антиоха X—на мачехе и т. д. Об аршакидских браках сведений не сохранилось, а о сасанидских—очень мало: по видимому, Кавад I был женат на сестре (Юсти с. 435).*) За то сохранилось много известий греков и римлян, показывающих, как смотрели на родственный брак, если не сами персы, то их соседи: в беседах, составленных от имени Бардесана (II в.) говорится, что „персы установили для себя закон, позволяющий им брать в жены своих сестер, дочерей и внуков. Бывает даже, что они идут дальше и женятся на своих матерях. Некоторые из этих персов расселились и живут в Индии, Парфии, Египте и Фригии; их зовут магами. Во всех странах, где они проживают, они следуют этому обычаю, завещанному им предками“ (V. Langlois—Coll. d'hist. arm. I, 83). Ланглуа дополняет это известие ссылкой на ряд писателей III—V в., говорящих о том же.

*) Христensen (L'empire des sassanides p. 53) приводит указания на то, что Варахран Чобин был женат на сестре, Иезидгерд II на дочери, Кавад I—кроме сестры еще на дочери.

Важнее для нас свидетельство писателя V в. Египте, по которому Иезидгерд II (439—457), по настоянию магов, послал в Армению, Грузию, Албанию и пр. указ об обязательном изучении маздеизма, введении многоженства и приказ „отцам жениться на дочерях, братьям на сестрах“ и т. д. (Coll. II, 199). У З. Рагозиной (Ист. Мидии, 130) цитируется мадайснийский символ с исповеданием святости родственного брака. Пока в Закавказьи господствовал зороастризм, родственный брак был обычаем, рекомендуемым церковью и потому намерение шаха было не капризом чувственности, а соблюдением исконной священной традиции. Что же заставило дочь пойти против отца? Личная нелюбовь? В любовной литературе востока, герои и героини часто чихнут от неудовлетворенной любви, но никогда особенно не огорчаются браком с кем угодно, до дна включительно, и лишь стараются поскорее исправить неудачу. Умереть от этого восточная героиня не может и если здесь она предпочла смерть, да еще пошла против отца и даже религии, то несомненно опираясь не на личное чувство, а на другую мораль, на иную религию, требовавшую от нее скорее смерти, чем подчинения дедовскому обычаю. Дохристианский эллинизм на востоке, сам воспринявший взгляды последнего, не мог быть этой силой. Мусульманство расцветило бы легенду специальным колоритом; следовательно, остается лишь христианство с его резким отрицанием родственного брака. Оно начало проникать в Закавказье еще в III веке, и в III—VII в. в. создается почва для борьбы двух мировоззрений, причем естественно, что старшее поколение, воспитанное в духе прошлого (в легенде—шах), держится старых заветов, а молодое (дочь) уже восприняло новые взгляды. Легенда не сохранила ничего христианского, так как передана мусульманской средой, лишь смутно чувствовавшей основу сказания, но потерявшей или отлившей смутно чувствовавшей подробности. Став на эту точку зрения, сравнившей второстепенные подробности. Став на эту точку зрения, мы можем видеть в легенде иллюстрацию к эпизоду вечного спора отцов и детей, при исторической обстановке, существовавшей в закавказском Азербайджане лет тысячи полторы тому назад, и прав был И. Н. Березин, говоря: „без всякого сомнения, сказка эта очень древняя, и событие, если только когда-нибудь было подобное событие, надобно отнести ко временам сасанидов“.

III.

Имя города Баку появляется у восточных авторов с X в., но ни тогда, ни после ни один из них не говорит ни о „девичьей башне“, очевидно не считая ее такой достопримечательностью, как нефть, огни, вулканы, или храмы огнепоклонников, заботливо отмечаемые арабскими географами. Это умолчание говорит против высказанного проф. Зуммером¹⁾ предположения о том, что башня могла

1) На докладе его об обследовании башни.

быть зороастрийским храмом огня. Ее высота, около 13 сажен, не превышает высоты многих средневековых крепостных башен, да и на Апшеронском полуострове некоторые башни лишь немного уступают ей. Полуциркулярные своды окон, дверей и амбразур вероятно современны первоначальной постройке, а не переделаны впоследствии: аналогии можно найти, как в местных, апшеронских же, башнях, так и в постройках Эрзерума и вообще Анатолии, XI—XII в. в. Вершина башни, с ее парапетом, перестроена уже в XIX в., при устройстве в ней маяка. Роль громадного контрфорса, пока не находящего для себя вполне удовлетворительного объяснения, выяснится, быть может, при обследовании субструкций башни, построенной когда-то на самом краю скалистого утеса, отвесно обрывавшегося к морю. Возможно, что этот контрфорс, казавшийся строителям необходимым по техническим соображениям, сам повлиял на расположение окон, которые, выходя на море, вполне укрываются им от глаз неприятеля, расположенного за городской стеной, отходившей от моря как раз у башни и шедшей прямой линией, под углом к берегу, к бывшему Ашумовскому проезду. С запада, неприятель также не мог стать в виду окон, благодаря стене, шедшей вдоль берега до позднейшей Садовой улицы. Поэтому, эти окна не были бойницами, а могли служить лишь для сигнализации на море и для освещения внутренности башни. Они велики по размерам, а расположение их амбразур и лестниц скомбинировано так, что наружный свет мог прямо проникать в середину башни. Общая конструкция постройки совершенно аналогична многим тысячам жилых башен-замков Чечни, Осетии, Грузии, Дагестана, у которых окна часто расположены на одной стене, по одному в этаже, а бойницы опоясывают лишь вершину, на бакинской башне—не сохранившую свой первоначальный облик. При сигнализации контрфорс представлял большое удобство, давая возможность поставить огни в линию, в ракурсе по отношению к морю.

Кладка нижней части стен, обычная для апшеронских башен, состоит из наружной и внутренней облицовок рядами начерно обтесанных камней с бутовой заливкой в промежутке. Только размеры камней здесь немого крупнее и вся постройка массивнее, чем в других апшеронских башнях. Верхняя часть наружной облицовки разделана попеременно выступающими и отступающими рядами камней, но имел ли этот прием какое-нибудь иное значение, кроме декоративного, сказать трудно.

Таким образом, логичнее всего считать „Девичью башню“ за обычную жилую башню-замок, типичную для Кавказа, которая, в зависимости от обстоятельств, могла играть роль крепостной (при условии существования верхнего боя), сигнальной, маяка и т. п. Несомненно только, что было время, когда она не стояла изолированно: на с.з. стене видны следы примыкавших к ней сводов и стен. Поздней-

шие крепостные стены, повидимому, не примкнули к ней, а обошли ее снаружи, вероятно потому, что ее конструкция не соответствует требованиям, предъявляемым к стеной башне. На ее назначение, как замка-жилья, указывает и внутренний воляной колодец, расчищенный до воды при раскопках проф. В. М. Зуммера. Подобные колодцы встречаются в других кавказских башнях. Так в сел. Ваке, Тифлиско-го у., к многоэтажной башне пристроен род контрфорса, на высоту 2—3 этажей, прикрывающий собою колодец.

Время постройки башни определяется куфической надписью, вделанной снаружи, с с.-з. стороны, на высоте нескольких сажен, так, что нет оснований предполагать ее одновременность постройки. Она гласит:  „Башня Мас'уда сына Давуда“.

Слово ~~башня~~ не вполне точно передается русским „башня“, а скорее означает просто купольное здание и, может быть, указывает на то, что башня прежде венчалась куполом. Впервые, надпись была описана мирзой Абд-ар-Рагхимом, почему-то переделавшим ее в **فی جایو خودایندہ** = „В царствование (Ол) джаиту Худабенде“ и, через Городского, переслана И. Березину, издавшему ее в таком искаженном виде в приложении к II тому его „Путешествия по востоку“, стр. 65. С его легкой руки, эта нелепость стала неоднократно повторяться в литературе, несмотря на то, что еще в 1856 году Н. В. Ханыков указал ошибку мирзы, дав рисунок и точное чтение надписи в „Трудах вост. отд. русск. арх. о-ва“, ч. II, стр. 173—176.

173—176. Шриффт надписи хорошо известен для Закавказья и позволяет датировать ее XI—XIII в. в.; к тому же приводит разбор имен, характерных для сельджуков XI—XIII в. в. В частности, Ханыков указывает, что Давудом надписи может быть Давуд, сын Махмуда, овладевший было иракским престолом, но уступивший его своему дяде, Тогрулу II, под условием передачи ему в управление персидского Азербайджана, Грузии, Армении и Ширвана. Он был убит в Тебризе около 1135 г. *) Имена его детей неизвестны, но среди них могут быть и Мас'уд, которому, следовательно около половины XII в., обязана своей постройкой „Девичья башня“. К указаниям Ханыкова можно добавить, что среди медных монет XII—XIII в., найденных в восточном Закавказьи, попадаются экземпляры, на которых как будто бы стоит имя Мас'уда, но не иракского султана. К сожалению, эти экземпляры очень плохо сохранились и настаивать на правильности чтения трудно. Мас'удово предание о шахской дочери и ба-

Итак, название „Кыз-каласи“, предание о шахской дочери и башинская башня появились одновременно, в различной среде и при различных исторических обстоятельствах, внутренней связи между

*) Дата колеблется в пределах до пяти лет.

Вместо зачеркнутых слов следует читать:
стр. 12—قبّة, стр. 13—قبّة, стр. 17—دولة

собою не имеют, а соединение их в одно целое — результат народного мифотворчества, связавшего, по созвучию, военно-бытовой термин с бродячей легендой, рисующей переживания семейного быта в эпоху религиозного перелома и приурочившего все это к развалине башни-замка местного мелника или шаха.
